

Любовь СЕРИКОВА

Родилась в 1983 г. Окончила ЯГПУ им. К. Д. Ушинского. Четыре года работала корреспондентом на телевидении. Затем училась на Высших курсах сценаристов и режиссеров в Москве.

Публиковалась в «Литературной газете» и других периодических изданиях, коллективных сборниках.

Член молодежного литературного объединения при Ярославском отделении Союза писателей России.

Лауреат конкурсов «Логорифмы» и «Серебряная даль». Автор книги стихов «Генеральная Разборка».

Эври-day-ка

Человеческое

Пейзаж творил умелый каллиграф,
но вчитываться некогда. Покуда
не пропадет трагическая складка
между бровей у сына — на потом
отложен мир, как нервный детектив
с закладкой на странице двадцать шесть.
А сын лепечет, что желает «дэу»,
а может, деву — я плохой толмач.
Химеры из картофельных очисток
мне удаются лучше, чем слова,
тем более — чем пониманье слов,
другим произнесенных человеком.
Я и без слов увязла в чудесах:
морковь, переплетясь в развратных позах,
медлительно мечтает о любви,
подсохли привиденья на балконе,

стиральный звездолет раззявил люк,
и кровоточит радуга на кухне —
вареньем. Но совсем не сладко ей...
И от такой драматургии быта
я, кажется, вот-вот откину все:
рога и крылья, плавники и ласты,
вторую кожу, жабры, когти, хвост...
И наконец-то стану человеком.
Так пусть бормочет басом холодильник:
мол, что-то там прогнило, и давно, —
я знаю, что мой дом — не Эльсинор,
благополучно разрешатся драмы,
и каждый день, бесспорно, — белый день,
как Млечный Путь на маленькой щеке
любимейшего в мире человека.

* * *

Мне снится, что мы на крыше,
Внизу облетают вишни,
И море, как третий лишний,
Читает нам список яхт.
Глаза продеру: бодрее
В утробе у батареи
Журчит — знать, вот-вот сопреют
Зады у небесных прях,
Одевших все в строгий серый.
Январь доварился первым,
Февраль помотает нервы,
Но мы и его схарчим.
А дальше и вовсе вкусно:
Я стану почти арбузной,
Не грустной ничуть, но грузной.
И то, что сейчас горчит, —
Все к августу станет сладким,
Разглядятся швы и складки,
Останутся мармеладки
Малиново-дынных дней.
И просто смешно желать мне
Пышной ритуал и платье
И ангелов покрывалей...
А плакать — еще смешней.

Британский блюз

Погладь меня, оставив лета след...
Заряжен воздух, словно пистолет.
Как серо, сэр... не летно, но летально,
И лампа — знак вопроса — на столе.
Что, ореол? Нет, это дыбом шерсть.
Кто знал, что «сбыча мечт» — такая жесть?!
Что сфинксов тоже тычут носом в лужу?
Что я — в палате лордов номер шесть...
Когда мне надоест себя жалеть,
Метни-ка взгляд (какой потяжелей) —
Я сразу вспомню, что накрыла ужин:
Ням-ням, шашлык из сфинкса в божоле.
Прости, что с хреном — больше специй нет.
От гордости излечен пациент,
Но эта осень — не роман Джейн Остин,
И вовсе не обещан хэппи-энд.
У глаз твоих сегодня темзин тон,
Но будь ты хоть волан-де-морт в пальто,
А я не заберу обратно сердце
И не спрошу «тебе оно на что?»

Весенний квест

Поддаться? — Податься подальше от крыши,
Туда, где все дышит, и бродит, и пышет...
По дереву — соки, по улицам — люди,
По телу — мурашки вчерашних прелюдий,
И в небо вглядеться — как вляпаться в лаву,
Дизайнер весны постарался на славу:
Не лица, а лики, не стены, а фрески,
Цвета гармоничны, чисты и не резки.
Эдем безысходный что к исту, что к весту,
И в нем к непростому готовится квесту
В мультяшном плаще с перепачканным краем
Лирическая героиня... в раздрае.
Я хаосу «чао» задорно кричала.
Теперь начинаю с отчая... с начала.
Ни вербным мехам не согреть мои щеки,
Ни вышивке света на ветреном шелке.
А тот, кто согреет, глядит все острее —
Неужто мой серый волчок озверееет?

Терзаюсь, обеты даю, обнимая:
Что вывих любви себе вправлю до мая,
Грядущее выйдет из морга у моря,
Мы выйдем из роли — во славу аморе! —
И монстров привычки досрочно замочим,
На уровне дня и на уровне ночи...
В локации лета нас впишут сквозными
Трехспальной вселенной чудными связными,
Как будто бы только вчера «тили-тесто» —
Простыми героями брачного квеста.

* * *

Нет, я у окна не сидела в рюшах
С лицом, похожим на лайм,
До часа, когда Степаша с Хрюшей
Делят детский прайм-тайм.
Не то, чтоб себя мне не было жалко,
Но весь досуг шел на сон,
И проживала, как в коммуналке,
Во мне семерка персон:
Метресса, лох, работяга, сыщик,
Ироник, стерва, эстет...
Тогда любовь, как задумчивый прыщик,
Не знала: зреть или нет,
Тогда надо мной засыпали мухи,
По вторникам снился Кай —
Не то, чтобы в полной жила разрухе...
Но больше не отпускай!
Мой homo улыбчивый, серый lupus,
Кому кого приручать? —
Не ради влечения к пюре да супу,
А просто — ради плеча,
Буйков-позвонков, заусениц, шрамов,
И тьмы ресничных кулис,
И ради того, чтоб кончалась драма
Так радостно, чтоб «на бис».
А если однажды увязнем в ссоре
Бардовой, как каркаде,
Напомни про губы со вкусом моря,
Таблеток, дыни, ж/д;
Про то, что сплести узелок на счастье
Сложнее, чем расплести.
Во многая мудрости — мало сласти...
Ты знаешь, как подсластить.

Эври-day-ка

Эскалатор на круг седьмой,
не на муки, зачем? — на скуку.
Кто-то выведет по прямой,
если вовремя схватишь руку,
опознаешь изгиб плеча
(место — действию, время — коде) —
ритуал надежды подчас
совершается в переходе,
где яичным желтком — плафон,
где почти не бывает пусто,
лезет с нежностью саксофон
черноглазо и златоусто
и хватает сквозь рукава,
сквозь веснушки, мурашки, цыпки
сквозь мою чешую: «Жива?» —
«До последней своей улыбки!»
Взгляд. Не тот ли? Ларечник-мавр.
Саксофону — сто рэ без сдачи.
Пассажир тебе минотавр,
ты ему — минотавр тем паче;
электричка-читальный зал
растворяется в лабиринте.
Я молчу. Кто ж тогда сказал:
«Забери меня... заберите...»?
Здесь — пробел. И уже с плеча
твоего бормочу, что бычий
час тяжел, но и он подчас
завершается полной сбычей
всех кисельно-молочных мечт,
непременных, как кровь и лимфа,
что снимают дамоклов меч
(впрочем, он из другого мифа),
что сюда привела тропа:
через луг, а потом под горку...
и заварена здесь толпа
густо, крепко — до криков «горько»...
Ну хоть горечь — не от ума,
от ума — туман, аки змейка.
Я бы выбралась и сама...
или нет. Твоя. Эври-day-ка.